

22 2
9772 1006968

Вопросы политической экономии

№ 3/2016 год

interpolitec.su

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Воейков Михаил Илларионович

д-р экон. наук, профессор, заведующий сектором политической экономии Института экономики РАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор:

Бузгалин Александр Владимирович

д-р экон. наук, профессор кафедры политической экономии МГУ имени М. В. Ломоносова

Заместители главного редактора:

Мамедов Октай Юсуфович

д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой политической экономии и экономической политики экономического факультета Южного федерального университета

Рязанов Виктор Тимофеевич

д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета

Тарасевич Виктор Николаевич

д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой политической экономии Национальной металлургической академии Украины (Днепропетровск)

Ответственный секретарь журнала:

Яковлева Наталья Геннадьевна

канд. экон. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН

Члены редакционной коллегии:

Белов Вадим Геннадиевич

д-р экон. наук, профессор, президент Вольного экономического общества Москвы

Воейков Михаил Илларионович

д-р экон. наук, профессор, заведующий сектором политической экономии Центра методологических и историко-экономических исследований Института экономики РАН

Гайсин Рафкат Сахиевич

д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой политической экономии Российского государственного аграрного университета МСХА имени К. А. Тимирязева

Колганов Андрей Иванович

д-р экон. наук, профессор, заведующий лабораторией по изучению рыночной экономики МГУ имени М. В. Ломоносова

Лемешенко Петр Сергеевич

д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики Белорусского государственного университета (Минск)

Павлов Михаил Юрьевич

канд. экон. наук, доцент кафедры политической экономии МГУ имени М. В. Ломоносова

Пишулин Олег Владимирович

канд. экон. наук, вице-президент Вольного экономического общества Москвы

Чекмарев Василий Владимирович

д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой экономики Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова

Цаголов Георгий Николаевич

д-р экон. наук, профессор Международного университета в Москве

Хубиев Кайсын Азретович

д-р экон. наук, профессор кафедры политической экономии МГУ имени М. В. Ломоносова

Худокормов Александр Георгиевич

д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой истории народного хозяйства и экономических учений МГУ имени М. В. Ломоносова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ

Алиев Урак Жолмурзаевич (Казахстан)

д-р экон. наук, профессор, вице-президент Образовательной корпорации «Туран»

Гринберг Руслан Семенович (Россия)

д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН, директор Института экономики РАН

Котц Дэвид (США)

профессор экономического факультета Университета Массачусетс (Амхерст)

Лейн Дэвид (Англия)

академик Академии социальных наук (Кембридж)

Сампетай Матсас-Михаил (Греция)

профессор Афинского национального университета

Некипелов Александр Дмитриевич (Россия)

д-р экон. наук, профессор, академик РАН, директор Московской школы экономики МГУ имени М. В. Ломоносова

Пороховский Анатолий Александрович (Россия)

д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой политической экономии МГУ имени М. В. Ломоносова

Самир Амин (Египет)

директор Форума третьего мира

Чен Энфу (Китай)

профессор, президент Академии марксизма Китайской академии общественных наук, председатель Всемирной ассоциации политической экономии

78 Кузнецов Игорь Анатольевич

Теория аграрных кризисов в отечественной политэкономии (1880–1960-е гг.)

Рассматривается возникновение и основные этапы эволюции специальных теорий аграрных кризисов в трудах российских политэкономов

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

87 Бартенев Александр Александрович

К вопросу о развитии политэкономии в России

Традиция экономического позитивизма критически оценивается с позиций политической экономии. Обсуждаются альтернативные подходы, которые были разработаны в русской традиции политической экономии. Категория хозяйственного порядка опирается на концепции духовно-нравственного человека, контрастирующего с базовым подходом эгоистической конкуренции индивидов. Обновленная концепция политической экономии возвращает этическое начало в экономику, что позволяет решать исследовательские задачи более реалистично в сравнении с традиционными подходами экономического мэйнстрима.

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

97 Комолов Олег Олегович

Социоальтерация как категория современной политической экономии

В статье сформулировано и раскрыто положение о социоальтерации современной рыночной экономики, которая представляет собой процесс вытеснения рыночных отношений, проявляющейся в развитии и повышении доли нерыночных элементов в рыночной экономике в условиях монополизации. Это выражается в растущей роли государства в антикризисном управлении современной экономикой под воздействием системного финансового риска, все более широком распространении несимметричных рыночных отношений и плановых механизмов управления транснациональными корпорациями.

108 Павлов Руслан Николаевич

Социальное предпринимательство как объект изучения мейнстрима и политической экономии

В работе рассматриваются основы формирования социального предпринимательства как новой формы организации предпринимательской деятельности, направленной не на максимизацию прибыли собственников, а на реализацию социальных задач, с которыми связана деятельность данных предприятий. Показано, что в условиях господства в экономической науке неolibерального подхода невозможно создать адекватную теорию, объясняющую значение социального предпринимательства в контексте смены парадигм экономических отношений, поскольку происходит навязывание ложных стереотипов, сопровождаемое фальсификацией исторических фактов. В то же время, политическая экономия, и особенно ее марксистские направления, предоставляет более широкий спектр возможностей для его адекватной оценки. В работе представлена попытка применения такого подхода для анализа данного явления.

БИБЛИОТЕКА ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

119 Кронрод Яков Абрамович

Социолгархизм как псевдосоциализм XX века

Публикуемый очерк принадлежит одному из крупнейших советских политэкономов Якову Абрамовичу Кронроду (1912–1984). Я. А. Кронрод оставил заметный вклад в отечественной экономической науке по проблемам методологии политической экономии, теории способа производства, хозяйственного механизма, теории денег и цен, теории воспроизводства. Инициатор и участник многих экономических дискуссий 60–80-х годов XX века в нашей стране. Создал особую школу в политической экономии. Предлагаемый вниманию читателя текст был написан уже в последние годы жизни ученого.

СОДЕРЖАНИЕ №3/2016

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ ЛИТЕРАТУРЫ

146 Бузгалин Александр Владимирович

Реальные противоречия (не)реального капитализма

(Рецензия на книгу: Рязанов В. Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мировой экономики и России. М.: Экономика, 2016.)

В рецензии на книгу В. Т. Рязанова «(Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мировой экономики и России» показывается, что эта книга является фундаментальным политико-экономическим произведением, в котором раскрываются противоречия современной стадии капиталистического развития. Нереальность экономики автор книги показывает, анализируя финансиализацию, долговую проблему, виртуализацию производства и потребления. Раскрываются причины и природа кризиса этой экономики. На этой основе в книге показаны специфические черты российского капитализма как рентно-ориентированной системы, являющейся плодом неолиберальной утопии и находящейся в кризисе. Автор рецензии полемизирует с автором книги по вопросам о возможности и необходимости развития посткапиталистических отношений и ограниченности реиндустриализации, которая не может быть ни главной целью, ни основным средством снятия противоречий российской экономики.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

151 Бабаев Алиджан Пириджан оглы

Политическая экономия: современные проблемы и перспективы

В статье представлен обзор материалов международной научно-практической конференции, посвященной 400-летию возникновения политической экономии, проведенной Азербайджанским государственным экономическим университетом (UNEC)

160 Обращение к авторам

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Р. Люксембург: Диалектика трансформации современного капитализма

Воейков Михаил Илларионович

доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором
политической экономии Института экономики РАН

ababayev@rambler.ru

Ключевые слова: трансформация капитализма, собственность, монополизация, деньги, рыночная экономика

Keywords: the transformation of capitalism, ownership, monopolization of production, the money, the market economy

Кризисы и капитализм

Сначала — о Розе Люксембург, которая имеет, конечно, очень большую известность, но как экономист, на мой взгляд, весьма недооценена. Так, в предисловии к первому тому «Избранных сочинений» Люксембург, изданных в Москве в 1928 г., сказано: «Сочинения Розы Люксембург должны быть настольной книгой, ибо, как всякий выдающийся ум, Роза Люксембург не перестает быть поучительной даже в своих ошибках» [10, с. 9]. И вот эти «ошибки» Розы Люксембург уже почти 100 лет жуют разные интеллектуалы Европы и Америки. Любопытно и даже непонятно, как с течением времени, и чем дальше — тем больше, Роза Люксембург превратилась в интеллектуальную звезду эпохи несмотря на свои «ошибки» и даже «люксембургянство». Даже Г. Лукач в 1922 г. в предисловии к книге «История и классовое сознание» пишет: «Идейное направление Розы Люксембург было определяющим в области теории и отчасти остается таковым

и сегодня — и с его плодотворными выводами, и с его ошибками. Всякий, кто из этого исходит, должен понять, что подлинно коммунистическая, революционная, марксистская позиция может быть завоевана лишь путем критического размежевания с теоретическими трудами Розы Люксембург». Оказывается, концепция Розы Люксембург и неревolutionная, и некоммунистическая, и немарксистская. Зачем же тогда изучать ее теоретические труды? И как согласовать эти слова Лукача с его же следующими словами: «По моему мнению, Роза Люксембург была единственным учеником Маркса, кто действительно продолжил его жизненный труд как в содержательно-экономическом, так и в методологическо-политическом смысле...» [9, с. 99]. И эти полные смысла замечательные слова написаны Лукачем в той же самой работе, на той же странице и в начале того же самого абзаца. Т.е. по Лукачу получается, что Роза Люксембург — единственный ученик Маркса, продолживший его жизненный труд, но от ее

работ надо отмежеваться, чтобы завоевать марксистскую позицию. Если это диалектика, то какая-то очень странная.

Основной смысл концепции Р. Люксембург состоял в развитии ею теоретического положения об автоматическом крахе капитализма. Капитализм содержит в себе такие внутренние противоречия, которые рано или поздно неизбежно приведут его к разрушению или перерождению. Хотя эта концепция своим основанием имеет марксистскую доктрину, но в трактовке Р. Люксембург приобретает несколько иной вид. Ее много критиковали именно за то положение, что, если капитализм сам собой разрушается, то, стало быть, нет необходимости в борьбе рабочего класса и даже нет необходимости в пролетарской, социалистической партии. У самой Р. Люксембург есть замечательный ответ на эти упреки, о чем мы скажем ниже.

Обратимся к трудам самой Р. Люксембург по вопросам капиталистической экономики. Так, она очень точно и самобытно характеризует такую политэкономическую категорию, как кредит, и его роль в капиталистической экономике. Она пишет: «Одним словом, кредит воспроизводит все основные противоречия капиталистического мира, доводит их до высшей точки, он ускоряет шаги, какими мир этот движется навстречу собственному уничтожению — крушению. Для капитализма лучшим средством приспособления в отношении кредита было бы полное его уничтожение, отмена кредита» [10, с. 51]. Действительно, недавний мировой экономический кризис в 2008–2009 гг. был спровоцирован в основном неблагополучием в ипотечном кредитовании и существенно затронул главные страны капиталистического мира. Вот если бы не было кредита, то не было бы и формального повода для экономических кризисов. Но возможен ли капитализм без кредита? Такого не было, нет, и вероятно,

быть не может. Значит, не может быть и капитализма без кризисов. Более того, кризисы по Розе Люксембург не помеха или недостаток капитализма, а «живая вода» для него. «Если признавать установленным тот факт, — пишет Люксембург, — что, выражаясь кратко, кризисы составляют единственно возможный на капиталистическом базисе, а потому вполне нормальный метод периодически разрешать столкновения между неограниченной расширяемостью производства и узкими пределами рынка сбыта, то кризисы надо считать неотделимыми, органическими явлениями капиталистического хозяйства в целом» [10, с. 74]. Иными словами, бороться с кризисами означает бороться с капитализмом. Но этим, однако, занимаются все правительства ведущих капиталистических стран. Странно! Действительно ли правительства борются с кризисами или только делают вид, что борются?

Отметим также, что одним из важнейших выводов марксистской теории кризисов является положение об объективной неизбежности кризисов при капитализме. В любом виде и форме кризис есть необходимый атрибут капитализма, средство его взбадривания. Некоторые праволиберальные экономисты считают, что это и хорошо, ибо кризис как генеральная уборка помещения, выметает из общества все дряхлое и нежизнеспособное. Конечно, это верно, мусор надо выметать. Но лучше это делать каждый день, сознательно и планомерно, а не ждать когда грянет буря и разбив стекла, ворвется в помещение и перевернет там все вверх дном. Как показал последний финансовый кризис, некоторые люди в его результате покончили жизнь самоубийством. Что же тут хорошего? Нормальное общество не может успешно развиваться, переходя от кризиса к кризису. Такое общество обречено на исчезновение.

Не погружаясь в фактологическое описание современного кризиса

2008–2009 гг, отметим его некоторые особенности. Во-первых, представляется, что этот кризис при всей его схожести на классические экономические кризисы, не является обычным циклическим кризисом капиталистического воспроизводства. Прежде всего, это денежный кризис, который начался в финансовой сфере и там произвел определенные опустошения. Конечно, он затронул и реальный сектор экономики. Но в реальной экономике опустошения не оказались столь значительными, как это, например, было в эпоху мирового кризиса 1929–1932 гг. Перепроизводства товаров в капиталистическом мире пока нет. Таким образом, можно согласиться с той литературой, где отмечается, что этот кризис имеет ряд важных особенностей. Одна из этих особенностей, о которой, правда, пишут меньше, состоит в том, что этот кризис заставляет задуматься об основополагающих элементах и принципах рыночной экономики. Даже политические лидеры ведущих стран мира, заявляли о чрезвычайной опасности современного кризиса для всей капиталистической системы, что капитализм после кризиса должен стать иным. Если оставить за скобками политическую риторику, то, тем не менее, в заявлениях о настоятельной необходимости изменения капитализма есть объективная составляющая. Это касается, прежде всего, того, что рыночная экономика как материальная база капитализма угасает. Возможно, угасает и сам капитализм. Это мнение все больше и больше разделяют многие современные интеллектуалы. Так, современный американский экономист Л. Туроу пишет: «Вечные истины капитализма — экономический рост, полная занятость, финансовая стабильность, повышение реальной заработной платы, — по-видимому, исчезают по мере того, как исчезают его враги. Что-то изменилось внутри самого капитализма...» [21, с. 11].

Перечислим кратко некоторые новые явления современного капитализма, которые могут свидетельствовать об угасании рыночной экономики. Это: возросшая степень концентрации производства и в соответствии с этим сверхмонополизация капитализма; выведение золота и драгоценных металлов из денежного оборота и необеспеченность бумажных денег, появление фидуциарных денег; трансформация конкуренции из экономического явления в политическое, когда национальные государства обеспечивают привилегии своим национальным монополиям; диффузия экономического феномена собственности, превалирование юридической формы («права собственности»), угасание частной собственности на средства производства, когда корпоративной собственностью распоряжаются топ-менеджеры, а не сами акционеры; расширение экономической роли и функции государства и порой жесткое регулирование с его стороны рыночной экономики.

Таким образом, многое в современном мире изменилось и теперь марксистская теория кризисов в ее конкретном прочтении в целом для современного этапа почти не применима, ибо основные элементы экономики современного капитализма стали или становятся принципиально иными, чем это было во времена Маркса. Нет свободного рынка, нет свободной конкуренции, появились деньги как политический институт (то есть уже не экономический). Это многое меняет. Экономика перетекает в политику. И здесь востребованной становится общая марксистская теория капитализма в целом, гласящая, что капитализм сам себя подрывает изнутри. Частная же марксистская теория кризисов устаревает потому, что предмет ее себя исчерпывает. И волевым образом теория автоматического краха капитализма Р. Люксембург приобретает новое прочтение и звучание.

Теория накопления капитала Р. Люксембург

Суть теории накопления капитала Розы Люксембург сводится к тому, что для существования капитализма нужны внешние рынки. Капитализм должен накапливать капитал и где-то реализовывать прибавочную стоимость. Накопленный капитал нужно инвестировать, и не куда-либо, а именно в некапиталистические зоны экономики (колонии, экономически отсталые страны, некапитализированный аграрный сектор и т. п.). Инвестиции капитала внутри капиталистического хозяйства, т. е. в пределах капиталистического класса, лишь перегоняют, как мячик, прибавочную стоимость от одного капиталиста к другому. Капитал в этих условиях перенакапливается в замкнутом пространстве и как сжатый пар без выхода может (или должен) разорвать капиталистическую оболочку. Дело не только в том, чтобы извлечь прибавочную стоимость, но и в том, чтобы ее реализовать. Собственно, это один и тот же процесс. Поэтому для Розы Люксембург «существование некапиталистических покупателей прибавочной стоимости является прямым условием существования капитала и его накопления». Таким образом, «решение проблемы в духе марксова учения заключается в диалектическом противоречии: капиталистическое накопление для своего движения нуждается в некапиталистических общественных формациях, как в окружающей его среде; оно прогрессирует в постоянном обмене веществ с этими формациями и может существовать лишь до тех пор, пока оно находит эту среду» [11, с. 256–257]. Из этого положения можно сделать несколько выводов, большинство из которых делали критики Розы Люксембург, но не она сама.

- Первый. Главное в капитализме не только эксплуатация рабочего класса (хотя сама Р. Люксембург такого вывода не делала и, видимо,

не могла делать), но и эксплуатация колоний и других отсталых территорий и обществ.

- Второй. Капитализм жив и процветает в силу существования неэквивалентного обмена. Если же существует эквивалентный обмен, то капиталу негде реализовать прибавочную стоимость. Замкнутое капиталистическое общество существовать не может, ибо обмен внутри капиталистического производства эквивалентен (на основе равновесной цены), существует экономическое равновесие, а накапливаемую прибавочную стоимость реализовать негде. Происходит перенакопление капитала.
- Третий. Невозможность существования замкнутого капиталистического общества (или превращение всех стран в развитые капиталистические страны) ведет к автоматическому краху капитализма. Капитализм сам себе роет могилу.
- Четвертый. Рабочий класс и социал-демократическая партия могут помочь вырыть могилу, но главное — это неспособность капитализма развиваться при капитализме. В противном случае капитализм мог бы существовать вечно.
- Пятый. Теория Розы Люксембург ставит под сомнение роль и значение прибавочной стоимости, роль рабочего движения и рабочей партии, солидаризируется (в некоторых пунктах) с неоклассическим направлением современной экономической теории и в целом с «обратной стороны» является ревизионистской.

Так, например, В. Мотылев в «Предисловии к четвертому изданию» книги «Накопление капитала» писал: «Если капитализм автоматически, механически, сам по себе идет к гибели, то роль пролетариата как могильщика буржуазного строя ступшевуется. Раз буржуазный

строй должен погибнуть сам по себе в силу автоматических процессов, то роль сознательной борьбы пролетариата не является решающей» [11, с. XXIII]. Так считали и писали многие ее критики в то время. Но ведь сегодня мы можем сказать, что Роза Люксембург была значительно ближе к научной истине и исторической правде, чем ее критики.

В теории накопления капитала (или автоматического краха капитализма) Розы Люксембург имеются две противоречивые составляющие, которые до сих пор вызывают споры и дают некоторые основания для обвинения ее в ошибках. Откровенно говоря, тут до конца нет полной ясности. Первая составляющая — экономического порядка, вторая — общесоциологического.

Итак, первая. Если капитализм живет и развивается за счет эксплуатации колоний или некапиталистической периферии, то как понять утверждение Розы Люксембург, что там он реализует прибавочную стоимость. Кто-то ведь, должен оплачивать эту прибавочную стоимость. Колонии, покупая что-либо из капиталистической страны должны переплачивать за этот товар, т. е. оплачивать не только труд рабочих и других непосредственных участников производственного процесса, но и доставлять прибыль капиталисту. Более того, приходится покупать этот товар выше его стоимости, ибо рынки слабо капитализированных стран и территорий, как правило, сильно монополизированы. Но колонии намного беднее капиталистической страны и переплачивать в принципе не могут. Розу Люксембург можно понять так, что обмен между метрополией и колонией происходит не на основе эквивалентов, а за счет «ограбления» колоний. Т. е. метрополия продает туда товар выше стоимости, а покупает ниже. Но это опять же не реализация прибавочной стоимости, а ее получение. Значит, опять встает проблема реализации. К тому же, процесс

«ограбления» колоний не может длиться вечно, когда-нибудь богатства колоний должны закончиться. А за последние 100 лет мы не можем констатировать массовые случаи банкротства именно колоний или слабо капитализированных территорий.

Вторая составляющая. Автоматическое крушение капитализма действительно ставит под сомнение решающую роль в этом процессе рабочего класса и его партии. Тут критики Розы Люксембург правы. Но с другой стороны, если отрицать формулу Розы Люксембург, то придется считать, что капитализм сам по себе тверд и бодр и не содержит никаких объективных причин для своей смерти. Тогда остается надеяться только на внешние причины насильственного его ниспровержения. Скажем, социал-демократическая партия убедит трудящиеся классы, что если она придет к власти, то жизнь их будет намного лучше, чем при вечно загнивающим капитализме. И произойдет социальная революция как внешнее ниспровержение капитализма. Однако формула Розы Люксембург более логична: капитализм сам по себе не может быть вечным, но нужен и его могильщик. И тут Роза Люксембург права. Такова диалектика противоречивой теории накопления капитала Розы Люксембург, которая, откровенно скажем, плохо освоена современной экономической наукой.

При всей невероятности для марксистского уха теории накопления и империализма Розы Люксембург, она получает некоторые подтверждения современной практикой. Особенно это становится ясно при анализе мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. «Этот кризис, — пишет Люфт Криста в полном соответствии с концепцией Розы Люксембург, — больше, чем банковский и экономический, это системный кризис. Капитализм демонстрирует свою неспособность решать обостряющиеся экономические, социальные, экологические

проблемы человечества, проблемы его развития» [7, с. 155]. И важно отметить, что этот кризис произошел не благодаря «стратегии левых сил», а — почти обычному для позднего капитализма перенакоплению капитала. То есть произошло почти то, о чем писала Роза Люксембург 100 лет назад.

Факторы трансформации капитализма

По мнению специалистов, за последние 20–30 лет в мире накопились колоссальные финансовые ресурсы, которые по большому счету некуда девать. Существует перенакопление капитала и тем самым капитализм если не подходит к своему концу, то, безусловно, переходит в какую-то иную стадию. Одним из важнейших факторов является, так называемая, финансиализация современного капитализма. Это означает, что финансовый сектор приобрел самостоятельное значение, оторвался от реального сектора экономики и по существу концентрируется на финансовых спекуляциях. Основой этого процесса, на наш взгляд, являются фидуциарные деньги. Итак, что же такое современные деньги?

К. Маркс писал о деньгах в «Капитале» следующее: «Именно потому, что все товары как стоимости представляют собою овеществленный человеческий труд и, следовательно, сами по себе измеримы, — именно поэтому все они и могут измерять свои стоимости одним и тем же специфическим товаром, превращая таким образом этот последний в общую для них меру стоимостей, т. е. деньги» [14, с. 101]. Во времена Маркса деньгами служили драгоценные металлы (золото и серебро) или бумажные деньги, свободно конвертируемые в золото. В современном мире никакие бумажные деньги на золото не размениваются. Что же представляют собой современные бумажные деньги? Ведь человеческий труд, заложенный в про-

изводство бумажной купюры ничтожен по сравнению с ее номиналом.

Сегодня поэтому понятие денег стало весьма запутанным. В обстоятельной вступительной статье В. М. Усопкина «Проблемы денег в экономической теории Запада» к книге Л. Харриса «Денежная теория» утверждается, что вопросы природы денег всегда были «камнем преткновения» для экономической науки. В наши дни, — пишет В. М. Усопкин в 1990 г. — положение еще более усложнилось. «Четкое научное представление о том, что такое деньги и какое место они занимают в системе воспроизводственных связей, по-прежнему отсутствует... Этому способствует бурный процесс финансовых нововведений, появление в последние годы новых инструментов денежного рынка и гибридных банковских счетов... Все это размывает понятие денег, лишает его четкости, разрушает границу между деньгами и не-деньгами» [23, с. 14–15]. Специалист в области финансовой и банковской истории С. А. Андрушин также отмечает: «Современные трактовки понятийного аппарата в области денег по-прежнему одно из слабых мест в отечественной и мировой экономической науке» [1, с. 115]. И сегодня в связи с мировым финансовым кризисом все это усугубилось. Сегодняшние деньги вообще ничем не обеспечены. Кроме того, сегодня появились, так называемые, электронные деньги.

Надо сказать, что даже в тех странах, где было в ходу золотое обращение, т. е. размен банкнот на золото, полного или 100 % золотого обращения на деле не было. Так, в США, где до Первой мировой войны действовал золотой стандарт, выпускались бумажные деньги, банковские депозиты. Количество золота в виде монет или золотых сертификатов составляло в разные годы от 10 до 20 % денежной массы. Остальные 80–90 %, как пишет М. Фридман, состояли из «серебра, фидуциарных [неполноценных. — М. В.] денег и банковских

депозитов, не обеспеченных золотым резервом» [22, с. 68]. Но это было давно и сегодня про золото или серебро как основы денежной системы почти уже никто кроме фундаменталистов рыночной идеологии, не вспоминает. Любопытно современное признание П. Самуэльсона в его знаменитом учебнике: «Много лет назад эту роль [обеспечения ценности банкнот. — М. В.] выполняло золото или серебро. Сегодня это уже не так, и все монеты и банкноты в США являются фидуциарными деньгами. Этот термин означает то, что нечто может называться государственной валютой, даже если это нечто не имеет ценности» [18, с. 425]. А мировой финансовый кризис 2008 года вообще выводит деньги и в целом финансовую систему развитых стран из под рыночного саморегулирования. Поразительно, как это деньги, по природе своей будучи самым рыночным инструментом регулирования экономики, сегодня становятся государственным рычагом регулирования рынка. В экономическом мире что-то переворачивается. Строго говоря, деньги превратились в особый документ политического соглашения (фидуциарные деньги, от латинского слова *fiducia* — сделка, основанная на доверии). Ничего рыночного в этих деньгах уже нет.

В капитализме что-то переворачивается, несмотря на то, что рыночные фундаменталисты не сдаются и не снижают своей активности в защиту рыночной экономики времен средневековой первозданности. Наоборот финансовые неурядища и кризисы они по-прежнему объясняют чрезмерной ролью государства. В пример приведем книгу американского экономиста М. Ротбарда «Государство и деньги». Так, он утверждает: «Если государство контролирует денежную систему, это значит, что у него в руках ключ к контролю над всей экономической системой, иначе говоря, до социализма рукой подать». И дальше: «Государство медленно, но верно брало

в свои руки рычаги управления денежной системой, чтобы, во-первых, накачивать экономику заменителями денег по своему усмотрению, во-вторых, перейти к социалистическому управлению всей экономикой» [17, с. 114]. Вот, если закрыть глаза на некоторые преувеличения, то по существу Ротбард прав. Государственное регулирование экономики, причем все более жесткое регулирование финансово-денежной системы, ведет в перспективе к плановому развитию экономики, что было характерно для Советского Союза и что в теории характерно для социалистического общества. И это неизбежно. Если деньги перестали быть рыночным товаром и стали фидуциарными, т. е. формой политического соглашения и государственного регулирования, то это означает, что из под рынка выбит основной конституирующий его элемент.

А ведь еще Р. Люксембург писала: «Открытый Марксом абстрактный человеческий труд в своей развитой форме не что иное, как деньги» [10, с. 82–83]. Здесь в очень емкой фразе, без лишних слов действительно передается самая глубинная сущность денег. Ибо деньги есть показатель, знак или символ отношений стоимости, т. е. особого социального отношения между людьми в рыночной экономике. Однако в современном товарно-капиталистическом хозяйстве деньги, перестав заменяться на золото, т. е. оторвавшись от своей объективной основы, перестали быть символом абстрактного труда. Теперь они лишь символ политического соглашения в обществе между гражданами и правительством, которое просто печатает бумажки (т. е. деньги) по своему усмотрению. Тем самым, подрывается объективный механизм существования и развития товарно-капиталистического хозяйства. И как мы видим в последнее время современные экономические кризисы — это не кризисы сбыта, перепроизводства товаров,

а кризисы перепроизводства пустых, ничем не обеспеченных денег.

Следующим элементом трансформации капитализма является усиление процесса концентрации производства, и, стало быть, углубление и расширение монополизации современной экономики. Еще В. И. Ленин писал в 1916 г.: «Свободная конкуренция порождает концентрацию производства, а эта концентрация на известной ступени своего развития ведет к монополии. Теперь монополия стала фактом» [8, с. 315]. Сегодня монополия не только стала фактом, но превратилась в фундаментальную основу трансформации современного капитализма. Об этом писали западные экономисты еще лет 50 тому назад (хотя, заметим в скобках, что В. И. Ленин писал об этом 100 лет назад). Так Дж. Гэлбрейт в середине 1960–1970-х гг. писал, что роль и значение крупных корпораций в современной рыночной экономике существенно возрастает: «С конца прошлого столетия гигантская корпорация становится все более характерной чертой делового мира. Ее влияние признавалось везде, кроме экономических учебников» [4, с. 40]. Доля же мелкого и среднего бизнеса заметно сокращается. Создается так называемая планирующая система из крупных корпораций, которые трансформируют саму рыночную экономику. А сама рыночная система, по мысли Дж. Гэлбрейта, «это мир мелких фирм». За последние 30–40 лет этот процесс концентрации производства заметно усилился. Современные исследования показывают, что за период с 1970 г. по 2014 г. доля активов крупнейших корпораций обрабатывающей промышленности США увеличилась на 40%. Так, на долю 847 крупнейшей корпорации США, которые составляют лишь 0,33% от общей численности предприятий, в 1970 г. приходилось менее 50% всех активов отрасли, а в 2014 г. они уже концентрировали у себя 88,7% всех активов [6, с. 96–97]. Идет интенсивный

процесс монополизации производства и ослабления конкуренции, и соответственно вытеснения рыночной экономики.

Другим важнейшим элементом трансформации является диффузия собственности и, если можно так сказать, угасание частной собственности. Известно, что частная собственность на средства производства есть фундамент капитализма и рыночной экономики. Но если в современной экономике господствуют крупные корпорации, которые монополизировали рынки и существенно снизили накал конкурентной борьбы, то частная собственность очевидно уже уходит на второй план. Ибо для крупных корпораций характерным является акционерная собственность, рассеянная среди тысяч мелких акционеров. В такой корпорации уже нет реального собственника. Тот же Дж. Гэлбрейт пишет: «Власть собственников капитала, т. е. держателей акций, равна нулю» [4, с. 70]. Стратегические решения принимает высший менеджмент, который может быть просто наемным персоналом. Американский крупный инвестор и основатель второго по величине в мире индексного паевого фонда Vanguard Д. К. Богл, сокрушаясь по поводу разрушения рыночной экономики и фундаментальной трансформации капитализма («фондовый рынок превратился не просто в цирк, а в казино для спекулянтов», «капитализм движется в неправильном направлении» и т. п.), заключает, что «ответственность за этот подрыв капитализма лежит на распылении собственности в корпоративной Америке, в результате которого возник вакуум власти собственников» [3, с. 37]. Таким образом, частная собственность на средства производства в корпоративном секторе развитых западных стран исчезает. Стало быть, исчезает объективная основа капитализма. На ее место приходят технократические и бюрократические структуры, основным мотивом для которых является не укрепление мифической для

них частной собственности, а развитие и процветание собственных структур. Современный капитализм чем-то начинает походить на бюрократические структуры советского общества.

Экономическое неравенство как фундаментальное противоречие капитализма

Выше мы рассматривали противоречия капитализма, порождаемые им самим как внутренние противоречия рыночной экономики. Так, рыночная конкуренция ведет к монополизации производства, что убивает саму конкуренцию. Теперь рассмотрим внешнее противоречие между рыночной экономикой и демократией, что по общему признанию выражается в непомерном росте экономического неравенства. Так, нобелевский лауреат по экономике Джозеф Стиглиц пишет: «Рынки сами по себе, даже тогда, когда они стабильны, зачастую приводят к высоким показателям неравенства, что на выходе означает несправедливость» [19, с. 38]. Неравенство назвал фундаментальным противоречием капитализма Т. Пикетти в недавно переведенной на русский язык книге «Капитал в XXI веке»: «Неравенство... означает, что рекапитализация имущества, накопленного в прошлом, протекает быстрее, чем растут производство и зарплаты. Это неравенство отражает фундаментальное логическое противоречие» [16, с. 585]. Итак, экономическое неравенство. Вопрос о равенстве и неравенстве в обществе — капитальный для всей социальной науки. Уже несколько столетий крупнейшие ее представители обсуждают именно этот вопрос. И касается он возможности материального обеспечения всех людей на таком уровне, который достаточен для благополучной, комфортабельной и здоровой жизни. Выполняет ли эту задачу капитализм?

В принципе все люди достойны благополучной жизни. Таким образом, на повестку дня выходит вопрос экономического равенства людей. Конечно, физически люди не могут быть равными по многим основаниям. Речь идет о равенстве в обществе, как социально-экономическом равенстве. Первый шаг в этом направлении был сделан буржуазными революциями, которые положили конец наследственным привилегиям и сделали всех людей равными перед законом. Но экономическое неравенство при этом не было ликвидировано, а в ряде случаев даже увеличилось. Понятно, что полного экономического равенства между людьми в настоящих условиях быть не может. Люди работают по-разному и получают различный экономический результат. И было бы несправедливо всех экономически уравнивать. Но есть ли предел этого неравенства, имеется ли его разумная граница? Более того, экономическое неравенство способствует экономическому прогрессу (экономическому росту) или тормозит его?

Эти вопросы активно обсуждаются в литературе уже не одно столетие. Апостол современного экономического либерализма Людвиг фон Мизес писал: «Только благодаря неравенству богатства, возможному в условиях нашего общественного порядка, только благодаря тому, что он стимулирует каждого производить столько, сколько он может и при наименьших издержках, человечество сегодня имеет в своем распоряжении тот совокупный объем годового богатства, которое можно использовать на потребление» [15, с. 35]. Логика таких рассуждений проста: низкодоходный индивидуум смотрит на высокодоходного и старается достичь его материального и социального статуса. Все общественное сводится к индивидуальному. Поэтому в концепции экономического либерализма неравенство индивидов есть ключевой инструмент экономического роста: чем больше неравенство, тем быстрее экономический

рост. Высокодоходный, богатый индивид имеет возможность делать сбережения, которые затем перетекают в инвестиции. Если все люди примерно экономически равны и не очень богаты, то сбережения минимальны, и нет дополнительного источника для инвестиций. А нет инвестиций — нет экономического роста. Причем, чем больше богатства концентрируется у немногих, тем больше сбережения и, следовательно, инвестиции. Такова логика экономического либерализма. Однако эту позицию разделяют далеко не все исследователи. Социальные и демократические исследователи считают ровно наоборот — «сокращение неравенства становится инструментом политики экономического роста» [20, с. 14]. Логика этого подхода также очевидна. Бедные слои населения при увеличении своих доходов увеличивают внутренний спрос на повседневные товары, в том числе и высококачественные. Расширение внутреннего спроса дает импульс к экономическому росту. Итак, имеются различные точки зрения на проблему соотношения социально-экономического неравенства и экономического роста.

Одним из первых в мировой научной литературе вопрос о влиянии экономического роста на неравномерность распределения (и обратную зависимость) исследовал Нобелевский лауреат по экономике (1971) Саймон Кузнец еще в 50-х гг. прошлого века. Согласно его предположению на ранних стадиях экономического роста неравенство в распределении доходов увеличивается, потом по мере экономического развития стабилизируется и, наконец, по достижении экономикой определенного уровня начинает сокращаться [25, с. 4]. Это положение получило в экономической литературе название «обратная U-образная кривая», кривая Кузнец (Kuznets curve) перевернутой-U формы. Кузнец рассматривал эту связь именно как изменение в распределении

доходов, вызываемое экономическим ростом, как следствие последнего.

Подход к решению проблемы неравенства, который развивает С. Кузнец можно назвать статистическим; он состоит в том, что определяется влияние неравенства на экономический рост. И показывается, что есть периоды, когда увеличение неравенства усиливает экономический рост, а есть периоды, когда слишком большое неравенство начинает тормозить экономический рост. Но как признает сам С. Кузнец, что лишь на 5 % это соотношение подтверждается эмпирически и последующие исследователи показали, что эмпирически доказать влияние неравенства на экономический рост очень трудно. Так, например, за последние 10–12 лет в России кривая экономического роста полностью не соответствует кривой неравенства. За эти годы в России экономический рост был минимальным (с падением в 2009 г.) и сопровождался устойчивым ростом неравенства.

Однако недостатком такого подхода является, во-первых, определение уровня бедности и соответственно избыточного неравенства как статистической категории. Категория неравенства в значительной степени является ценностной категорией, тесно связанной с понятием справедливости. Господствующие в обществе представления о справедливости предопределяют уровень неравенства в распределении доходов, который признается обществом как норма. Поэтому формы и уровень неравенства оцениваются в обществе по критерию справедливости. Отклонение от этой нормы оказывает негативное влияние на экономическое развитие. Такой путь поиска оптимальной меры неравенства можно назвать социальным. Согласно ему благоустроенное общество должно характеризоваться минимальным экономическим неравенством. В самой последней научной литературе указывается, что «в странах, где равенства больше, выживает больше младенцев,

а люди в целом здоровее и счастливее. Равенство приносит "дивиденды" на всех этапах человеческой жизни, от детства до старости» [5, с. 11]. Такими, например, северные страны Европы, которые называют социальными государствами или странами с социальным рыночным хозяйством.

Проблема сочетания, точнее како-го-то примирения экономической рациональности, рыночной эффективности с одной стороны, и социальности, с другой, имеет длинную историю. В современной литературе все чаще и чаще поднимается вопрос о несовместимости демократии, демократического общественного устройства и рынка, рыночной экономики, что в обобщенном виде обычно называют капитализмом. Капитализм — это не когда рынок существует в обществе, выполняя некоторые подчиненные функции, а когда он становится господствующим, определяя характер и тип общества. То есть рыночное общество — это капиталистическое общество. И вот с таким капиталистическим обществом подлинная демократия несовместима. «Капитализм, пишет известный западный экономист Л. Туроу, — предполагает лишь одну цель — индивидуальный интерес и максимальное личное потребление. Но жадность отдельного человека попросту не является целью, способной удержать общество вместе на сколько-нибудь долгое время» [21, с. 306]. Демократия для одного (немногих), частная демократия не есть всеобщая, подлинная демократия. Значит, можно говорить по крайней мере о двух типах демократии. На различии этих демократий не всегда останавливают внимание, что затрудняет достижение взаимопонимания.

Итак, обратимся к общему пониманию. Понятие демократии, как хорошо известно, означает власть народа. Конкретных определений имеется множество и для примера приведем определение демократии И. Шумпетера. Он пишет следующее: «Философия

демократии XVIII века может быть определена следующим образом: демократический метод есть такая совокупность институциональных средств принятия политических решений, с помощью которых осуществляется общее благо путем предоставления самому народу возможности решать проблемы через выборы индивидов, которые собираются для того, чтобы выполнить его волю» [24, с. 332]. Уже из этого определения вытекает несовместимость демократии и рынка, ибо рынок предусматривает частное, индивидуальное благо, а не общее.

В либеральной экономической концепции является непреложным постулатом, что демократия дает простор для экономического развития, рыночной конкуренции, опираясь именно на частное благо. Т. е. как бы демократия и рынок есть почти одно и то же. Например, Л. Мизес прямо так и пишет: «Рынок является демократией, при которой каждое пенни дает право голоса... Представительная власть народа является попыткой организовать конституционное устройство в соответствии с моделью рынка» [15, с. 216]. И действительно на первых порах было именно так. Рыночная экономика только при буржуазной демократии, способствовала быстрому экономическому прогрессу. Рынок требует демократического устройства общества, которое, в свою очередь, способствует успешному развитию экономики. Исторически рынок появился раньше буржуазной демократии (если не брать гражданскую демократию античности), но потребовал ее как свою объективно необходимую форму существования и развития. Однако заметим, что буржуазная демократия — это не один человек — один голос, а одно пенни (или доллар) — один голос. Это важное свойство демократии в эпоху рыночной экономики.

И в свое время это был гигантский прогрессивный шаг вперед. Ибо

в центре общественного устройства находилась не наследственная власть феодалов, а личные успехи, достижения частных лиц. И именно рыночная экономика создала механизм общественного прогресса, в основе которого лежала демократия денег, денежное могущество. То есть рыночная демократия, демократия для рынка, можно ее также назвать буржуазной демократией, в свое время обеспечила колоссальный прогресс общества. Но в основе его лежало экономическое неравенство. Так это было. Но теперь пришло иное понимание взаимодействия демократии и рынка. Так, Л. Туроу пишет: «История свидетельствует о том, что, поскольку рыночная экономика не выработала экономического равенства, совместимого с демократией, всем демократиям пришлось "вмешаться" в дела рынка с целым рядом программ, имевших целью содействовать равенству и предотвращать рост неравенства» [21, с. 291]. Государство и государственная политика и являются тем, кто будет ограничивать монополизацию рынка, сохраняя демократию. Нужно государство с его антимонопольным регулированием. И тут возникает парадокс: чтобы сохранить конкуренцию и демократию экономического процесса, нужно подавить (или ограничить) свободное рыночное саморегулирование.

Но это также означает, что сама по себе демократия входит в противоречие с рынком. Т. е. рынок ведет к подрыву демократии. Поэтому многие авторитарные режимы (А. Пиночета в Чили, например) для сохранения рынка сворачивали демократию. И совсем не случайно, что в странах 2-го или 3-го эшелона экономического развития (Южная Корея, Боливия, Аргентина и др.) рост экономики проходил в условиях авторитарных или даже диктаторских режимов. А возьмем современный Китай? Где там демократия? О демократии в современном Китае говорят мало и неохотно. Но темпы экономического развития Китай демонстрирует

высокие. В Китае есть сильное государство, успешно развивающийся рынок, и очень слабая (или никакая) демократия. Пример Китая нам показывает, что для успешного экономического развития рыночной экономики демократия и не нужна. Значит, государство может действовать двояко: или ограничивать рынок для развития демократии или использовать рынок для наращивания экономического потенциала и повышения экономической эффективности без демократии. Вот еще одно фундаментальное противоречие капитализма.

Демократия требует сложных процедур выработки решений, большую бюрократию. Все это снижает экономическую эффективность. Либеральная рыночная экономика в конце концов ведет к свертыванию демократии. Ибо демократия по критериям рыночной экономики неэффективна. Похоже, что это положение начинают разделять многие в западной литературе. Например, Д. Макки пишет следующее: «Хотя демократизация является основной тенденцией в современном мире, в американской политологии доминирует мнение, что демократия хаотична, произвольна, бессмысленна и неосуществима» [13, с. 272]. Действительно, в рыночном обществе подлинная демократия — бессмысленна. Итак, надо выбирать: или демократия и социальная справедливость или экономическая эффективность рынка. Демократия и рынок, а стало быть, и капитализм не совместимы.

Дебаты о ревизионизме

Однако вернемся к Р. Люксембург и ее полемике внутри социал-демократической партии Германии начала XX века. Основным оппонентом Р. Люксембург в то время был Эдуард Бернштейн, претендовавший на видное место (конечно, после Карла Каутского) в немецкой социал-демократии. Профессиональная и политическая борьба

за социальные реформы, считал Бернштейн, приведут к постепенному расширению общественного контроля над условиями производства и путем законодательного ограничения прав владельца капитала, «низведут его к роли управляющего». Таким образом, делает вывод Бернштейн, «помышлять о том, что в скором времени удастся перейти от буржуазного общества к обществу коммунистическому с иной физиономией хозяйства и иной психологией человека, — значит предаваться безусловно утопической фантазии... Социальная реорганизация произойдет по типу медленного и постепенного органического развития». Или, как ехидно замечала Роза Люксембург, «введение социализма по кусочкам в буржуазный строй» [10, с. 10]. Эти взгляды Бернштейна далеко не всем социал-демократам понравились. Но сегодня надо честно признать, что Бернштейн оказался прав. Эволюция, проделанная европейскими странами, в первую очередь под давлением классовой борьбы, которую возглавили социал-демократические партии, оказалась весьма существенной.

Роза Люксембург в полемике с Бернштейном, не отрицая значения реформ, в первую очередь упор делала на революционный путь развития. Сильная сторона позиции Розы Люксембург состояла в аргументации и научно-методологическом аспекте ее логических доводов. Хотя практически Бернштейн оказался прав, Роза Люксембург привела настолько глубокие научные аргументы, что ее логическая конструкция весьма интересна и сегодня. Люксембург на голову была выше Бернштейна как теоретик. По всем основным пунктам высказываний Бернштейна Роза Люксембург выставила свои возражения и опровержения.

И вот общее представление Розы Люксембург о социализме: «Как известно, научное обоснование социализма опирается на три основные факта

капиталистического развития: прежде всего, на растущую анархию капиталистического хозяйства, которая делает неизбежной его гибель, во-вторых, на прогрессирующее обобществление производственного процесса, которое создает положительные зачатки будущего социального строя, и, в-третьих, на растущую организованность и классовое сознание пролетариата, которые составляют активный фактор предстоящего переворота». По мнению Розы Люксембург Бернштейн «устраняет первый из названных устоев научного социализма» и тем самым «отрицает не только определенную форму гибели капитализма, но и саму эту гибель» [10, с. 46–47]. Вот тут уже содержится зародыш, и очень спорный зародыш, теории Розы Люксембург. Она специально подчеркивала, что «крушение буржуазного общества является краеугольным камнем научного социализма» [10, с. 102]. Это, конечно, верно. В крушении или преодолении капитализма должны сойтись две силы. С одной стороны, объективный ход экономического развития, делающий невозможным дальнейшее существование капитализма без каких-либо модификаций. С другой стороны, социальные силы, которые готовы осуществить эти радикальные модификации.

Если сама анархия капиталистического производства делает неизбежным гибель капитализма, то зачем «прогрессирующее обобществление производственного процесса» и тем более «классовое сознание пролетариата»? Капитализм и так погибнет. Бернштейн же снимая первый тезис (автоматическое крушение капитализма), как раз подчеркивал роль и значение социал-демократической партии, ее просветительскую, организационную и политическую работу. Тем самым, Бернштейн обосновывал реальную борьбу в реальных условиях за переделывание (реформирование) капитализма. Сегодня же в социал-демократической литературе

считается общепризнанным, что не революционный, а реформистский путь позволил европейской социал-демократии превратиться в мощную политическую силу современности.

* * *

Итак, противоречия Розы Люксембург. Главное и основное ее противоречие состоит в приверженности к догматическому марксизму и каутскианскому учению о политической борьбе, что проявилось в ее статьях против Бернштейна, с одной стороны, и в ее теории автоматического краха капитализма, с другой стороны. Вот ее текст: «С точки зрения научного социализма историческая необходимость социалистического переворота выражается, прежде всего, в возрастающей анархии капиталистической системы, которая толкает капитализм в безвыходный тупик. Но если согласиться с Бернштейном, что капиталистическое развитие не находится на пути к собственной гибели, тогда социализм перестает быть объективно необходимым» [12, с. 23]. Ведь если держаться теории Люксембург о перенакоплении капитала и автоматическом крахе капитализма, то социализм придет сам собой. За это ее и обвиняли критики. Так, Отто Бауэр писал в статье, посвященной разбору книги Розы Люксембург: «Капитализм разобьется не о механическую невозможность реализовать прибавочную стоимость. Он падет от восстания, на которое он толкает народные массы» [2, с. 357]. Но Роза Люксембург нигде и никогда не отрицала роль и значение социалистической

партии и ее борьбы за переустройство общества. Но, по ее мнению, одной партии мало, нужен и автоматический крах капитализма. Нужны объективные предпосылки неизбежности крушения капитализма. А социалистическая партия лишь культурно оформит это крушение. Сама Люксембург говорила на партийном съезде в Штутгарте в 1898 г.: «Мы будем играть роль стряпчего, ликвидирующего дела обанкротившегося общества» [10, с. 134]. Очень любопытное высказывание. Ведь тогда получается, что никакой пролетарской революции не надо. Капиталистическое общество само собой исчезает, а социалистическая партия, наблюдая за этим процессом и направляя его в нужную сторону, просто на этих развалинах все приводит в порядок. Мне представляется, что в этом гениальном предвидении Розы Люксембург есть немалая доля научной истины.

Действительно, рыночная экономика и капиталистическое общество сегодня претерпевают фундаментальную трансформацию. Исчезает частная собственность на средства производства, деньги перестают быть рыночным инструментом регулирования рынка, концентрация производства и монополизация достигли наивысшей степени своего развития, когда уже с объективной необходимостью требуется введение плановой системы, государство становится полным хозяином (даже диктатором) в рыночной системе. Да так, что от самого рынка скоро останутся лишь некоторые внешние атрибуты. Действительно, в капиталистическом мире что-то меняется.

Литература

1. Андришин С. А. Особенности денежного обращения в России: уроки истории // Денежные реформы в России: история и современность. М., 2004. С. 115.
2. Люксембург Р. Накопление капитала. Т. I–II. Изд. 4-е. М.—Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1931. С. 357.
3. Богд Д. К. Битва за душу капитализма. М., 2011. С. 37.

4. *Элбрейт Дж.* Экономические теории и цели общества. М., 1976. С. 40.
5. *Дорлинг Д.* Равенство. М.: Книжный Клуб Книгоvek, 2014. С. 11.
6. *Комолов О. О.* Крупная промышленность как стержень современного экономического развития // Векторы смены экономического курса. Материалы V Международной научной конференции «Абалкинские чтения». 26 мая 2015 г. М.: ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2015. С. 96–97.
7. *Криста Л.* Глобальный кризис капитализма и стратегия левых сил // Кризис: альтернативы будущего (глобальный контекст и российская специфика). Под ред. А. В. Бузгалина и П. Линке. М.: Культурная революция, 2010. С. 155.
8. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 315.
9. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М.: «Логос-Альтера», 2003. С. 99.
10. *Люксембург Р.* Избранные сочинения. Т. 1. Против реформизма. Ч. I. М.—Л.: Московский рабочий, 1928. С. 9.
11. *Люксембург Р.* Накопление капитала. Т. I–II. Изд. 4-е. М.—Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931. С. 256–257.
12. *Люксембург Р.* О социализме и русской революции. М.: Политиздат, 1991. С. 23.
13. Спасая демократию от политологии // Теория и практика демократии. Избранные тексты. М.: Ладомир, 2006.
14. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 101.
15. *Мизес Л.* Либерализм. М.: «Экономика», 2001.
16. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М., 2015. С. 585.
17. *Ротбарт М.* Государство и деньги. Как государство завладело денежной системой общества. Челябинск: Социум, 2008. С. 114.
18. *Самуэльсон П., Нордхауз В.,* Экономика. М., 2005. С. 425.
19. *Стиглиц Дж.* Цена неравенства. М., 2015. С. 38.
20. *Трауб-Мерц Р.* Неравенство и выход из экономического кризиса // Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса / Под ред. А. Бузгалина, Р. Трауб-Мерца, М. Воейкова. М.: Культурная революция, 2014. С. 14.
21. Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир. Новосибирск, 1999. С. 11.
22. *Фридман М.* Капитализм и свобода. М., 2006. С. 68.
23. *Харрис Л.* Денежная теория. М.: Прогресс, 1990. С. 14–15.
24. *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995.
25. *Kuznets S.* Economic growth and Income inequality // American Economic Review. 1955 (XLV). March. P. 4.